

В Диссертационный совет Д503.001.02 на базе Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34

ОТЗЫВ

официального оппонента Полякова Сергея Борисовича на диссертацию Порываевой Натальи Федоровны на тему «Алгоритмизация права», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01–Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Актуальность темы диссертационного исследования Н.Ф. Порываевой в свете Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» не вызывает сомнения. Реализация всех принципов Стратегии (п.3) связана с правовыми средствами. Условиями для применения информационных и коммуникационных технологий названы совершенствование законодательства Российской Федерации и административные процедуры (в том числе в электронной форме) (п.46 Стратегии). То, как именно это должно осуществляться, должно быть решено юридической наукой. В том числе автор обосновывает актуальность своей работы необходимостью реализации Концепции развития технологий машиночитаемого права, опубликованной на официальном сайте Минэкономразвития России (с.5).

Во введении диссертации автор называет алгоритмы – ядро программных продуктов инструментом регулирования, вступающим в сложное взаимодействие с существующими регуляторами, включая право (абз.2 с.3), т.е. алгоритмы включаются в ряд социальных норм наряду с нормами права. Объектом диссертационного исследования автор определила общественные отношения, в которых проявляется взаимодействие права и алгоритмов, используемых в программно-аппаратных комплексах (современных алгоритмов) (с.6–7). В диссертации термин «современные алгоритмы» используется в указанном значении, связанном с компьютерными программами.

Предметом диссертационного исследования определены общие закономерности взаимодействия права с современными алгоритмами в социальном регулировании, а целью диссертационного исследования их выявление (с.7).

Структура диссертации, состоящей из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, библиографии и трех приложений, соответствует решению поставленных задач (с.7).

В соответствии с первой задачей (выявить предпосылки алгоритмизации права и формирования потребности в ее теоретико-правовом освоении) в § 1.2 первой главы диссертации автор показывает становление понятия «алгоритм» в разных науках, начиная с древних времен (с.16–24). В целях диссертации автор особо отмечает понятие «современный алгоритм (алгоритм программно-аппаратных комплексов)», исполнителем которого является электронное вычислительное устройство, в отличие от «традиционного алгоритма», исполнителем которого является человек (с.19–21). Далее автором перечислены многочисленные факты использования программных продуктов для разных задач разных сфер человеческой деятельности (с.24–26), что названо процессом алгоритмизации общественных отношений (с.26). Представляя научную литературу с идеями алгоритмического общества, диссертант показывает использование в ней понятий, обозначенных терминами с прилагательным «алгоритмический» в сочетании со словами система, общество, регулирование, управление, справедливость, этика, ответственность, культура, а также «алгократия» (с.28–31). В итоге сделан вывод о тенденции придания алгоритмам регулирующего значения, связанной с распространением и внедрением в общественные процессы алгоритмов вместе с информационно-коммуникативными, цифровыми технологиями (с.31–32). Автор обосновывает вывод, что алгоритмы являются новыми регуляторами общественных отношений в социотехнической среде.

В § 1.2 автор анализирует научную литературу о юридических алгоритмах. После хорошо систематизированного представления обширного объема отечественных и зарубежных научных источников по вопросу соискатель выделяет три группы проблем при исследовании алгоритмов в правовой науке: их правовое регулирование; проблемы, связанные со статусом алгоритмов как регуляторов и их влиянием на правовое регулирование; проблемы, связанные с алгоритмизацией права.

В § 1.3 автор раскрывает факторы взаимодействия права с алгоритмами (алгоритмизации права): научно-технологический, политический, антропосоциальный, юридический.

Глава 2 посвящена решению поставленных задач: выяснить сущность и содержание алгоритмизации права с определением этого понятия; раскрыть сущность современных алгоритмов, как инструментов социального регулирования; спрогнозировать основные направления алгоритмизации права.

В § 2.1 автор анализирует научные позиции о нормативном и ненормативном регулировании общественных отношений, о видах социальных норм, особо выделяя мнение о возникновении на современном этапе развития социального регулирования машиночитаемого права как гибриде социальных норм – результат конвергенции права и технологии. В итоге параграфа предлагается видение форм взаимодействия алгоритмов и права: нормы права интегрируются в алгоритм, принимая его свойства.

В § 2.2 автор анализирует использование в научной литературе термина «алгоритмизация права», квалифицирует определяемые им понятия как метод, результат (следствие), принцип, вспомогательный прием. Обосновыва-

ется понятие алгоритмизации права, выносимое на защиту в положении 2, конвергенция и интеграция права и алгоритмов, синонимичность терминов «алгоритмическое» и «машиночитаемое» право, обозначающих «право, понятное для исполнителей – электронных вычислительных устройств» (с.100 – 101). Автор приводит основания отграничения алгоритмизации права от алгоритмизации юридической деятельности (с.102–104). Сделан вывод: результатом алгоритмизации права является машиночитаемое право, смысл которого «уясняется» машиной.

В § 2.3 автор пишет о трансформации права на формальном уровне в виде преобразования правовых норм в алгоритмы, реализованные на языках программирования (с.112). Диссертант обосновывает выводы:

- принципы права в результате его алгоритмизации могут изменяться содержательно, иметь формальное (алгоритмическое) выражение и менять свое положение в системе правовых принципов;

- сложившиеся традиционные модели правотворчества не адаптированы в полной мере для создания алгоритмического (машиночитаемого) права, соответственно, они подлежат трансформации.

В параграфе написано также о необходимости появления самостоятельного формального алгоритмического способа толкования, выявляющего машиночитаемую правовую норму, и о рисках алгоритмизации права.

Глава 3 посвящена решению последней поставленной задачи исследования – дать характеристику машиночитаемому праву и определить на основе применения методов научного прогнозирования основные сценарии его развития.

В § 3.1 приводятся положения литературы о понятии машиночитаемого права. Автор делает вывод: «Анализ приведенных определений показывает, что в настоящее время не сложилось единого понимания, что же представляет собой машиночитаемое право» (с.131), показала неудачи попыток создать языки юридического программирования в целях уяснения компьютером смысла правовых актов. В итоге сделан вывод о том, что алгоритмическое представление правовых норм требует знаний в разных областях науки.

В § 3.2 автор представляет сценарии развития машиночитаемого права с признанием того, что все они требуют очень больших финансовых, технологических, временных ресурсов, а также исследований на стыке наук – правоведения, логики, технических наук. Наиболее вероятным, по мнению диссертанта, является путь, при котором в машиночитаемый вид переводится часть правовых норм, необходимых для целей автоматизированного правоприменения в определенных правоотношениях.

Следует высоко отметить качественную систематизацию и ёмкое представление диссертантом обширной литературы по теме, что следует считать самостоятельным научным результатом, имеющим научно-практическую ценность.

Таким образом, поставленные задачи диссертантом решены. Указаны выявленные автором общие закономерности взаимодействия современных алгоритмов и права, сформулированы теоретико-правовые положения, отра-

жающие алгоритмизацию права, что было определено целью диссертационного исследования, которую следует считать достигнутой. Другое дело – понимание фактов, названных закономерностями взаимодействия современных алгоритмов и права, и оценка их в представленных положениях.

Главным для всей диссертации является понятие «алгоритм», образующий название темы диссертации, чему автор уделила много внимания, не оставляя сомнений в основаниях своего исследования.

Автор исходит из принятого в информатике определения алгоритма, как точного предписания о последовательности действий исполнителя (человека, электронного вычислительного устройства), направленного на достижение поставленных целей (с.16).

Отсюда следует, что алгоритмы – предписания для пользователей программы. И по этому ключевому признаку алгоритмы диссертант обоснованно вводит в ряд социальных регуляторов наряду с правом. Свойства алгоритмов изложены на с.21–22 диссертации. Алгоритмы программы непосредственно регулируют поведение пользователей программы, опосредованно – лиц, следующих модели поведения пользователей программы в отношениях с ними.

Термин «алгоритмизация права», однако, порождает двусмысленность.

Первый смысл – введение правовых предписаний в программные комплексы, через которые субъекты правоотношений-пользователи программы реализуют нормы права. Подобно тому, как делают раскадровку видеозаписи сложных движений спортсмена для выявления ошибок и обучения, из текста нормативных правовых норм нужно вычленять элементы правовых норм и действия по их установлению для применения или создания ясных норм права правоприменителями и нормотворцами, которые испытывают затруднения в самостоятельном уяснении правовых норм в юридической деятельности. Такую «раскадровку» (алгоритмы) правовых актов можно назвать алгоритмизацией права.

При успешном решении этой проблемы программные комплексы становятся инструментом реализации законности, обеспечения правопорядка через то, что соискатель называет взаимодействием права и алгоритмов.

Если названная проблема решается неверно, программы по осуществлению человеческой деятельности создаются без учета правовых норм, регулирующих эту деятельность, а тем более вопреки правовым нормам (об этом цитата на с.102 диссертации), тогда и создается иллюзия алгоритмов, как вида социальных норм, вытесняющих правовое регулирование, поскольку гаджеты теперь всегда под рукой у большинства населения, имеющего о законах отрывочные представления. Это особенно опасно, когда так создаются программы для правовой деятельности. Корень такого неверного решения проблем, приводящего к разрушению законности, в пассивности юристов, созерцательно ждущих от ИТ-специалистов программ для решения всех вопросов, в том числе правотворчества и правоприменения. А те могут предложить только инструменты, созданные для других видов деятельности.

Цели и задачи информационных систем определяет предметная область – часть реального мира, которая подлежит изучению с целью автоматизации

управления ею. Алгоритмы юридической деятельности должны создаваться юристами, потому что это их, а не программистов профессиональная предметная область. Однако большинство юридической литературы об информатизации юридической деятельности представляет собой мечты о роботах-юристах с некритическим заимствованием ИТ-терминологии, используемой для других сфер человеческой деятельности. Едва ли не главным таким заимствованием и заблуждением юристов является представление о том, что всё исходящее из компьютера есть плод искусственного интеллекта (в том числе в диссертации, например, на с.119). Между тем, искусственный интеллект в виде экспертных систем или нейронных сетей лишь один из инструментов информационных технологий, применяемый чаще всего для решения задач, связанных с прогнозированием. Причем невозможно объяснить, как нейронная сеть получила результат. Если отдать право на откуп искусственному интеллекту, предназначенному для прогнозирования, но не регулирования, не объясняющему свои решения, то право должно утратить правовую определенность, предсказуемость – те сущностные черты, которые должны быть у норм права, в том числе согласно решениям Конституционного Суда РФ.

Употребление термина «искусственный интеллект» при всякой связке права с компьютером часто выглядит подобно употреблению вместо фразы «он играет в шахматы» слов «он играет испанскую партию», подменяя название игры названием одного из десятков дебютов этой игры. В то время как на доске другой дебют. Причем можно достичь серьезных успехов в шахматах, не сыграв ни одной официальной партии испанской партией.

Отдаче правовой деятельности на откуп информационных технологий, созданных для неюридической деятельности, как раз и соответствует второй смысл термина «алгоритмизация права». В таком смысле право в виде алгоритмов создает неведомо кто, неведомо как с непредсказуемым результатом. В том числе фетишизацией «современных алгоритмов».

Против этого приведу алгоритмы нашей программы информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства по правилам Гражданского процессуального кодекса РФ «Лазер-ИП-ГПК-2020». В варианте логического толкования права для проверки умозаключения от судьи требуется:

- определить в суждениях, из которых сделано умозаключение, термины силлогизма (P, M, S);
- для предупреждения ошибки учетверения терминов из четырех позиций выбрать соответствующие суждению отношения M с S и P;
- из меню формул (Все M–P, S–M и т.д.) выбрать соответствующие суждениям участников дела.

По определению видов алгоритмов, представленных в диссертации, команды судье ввести указанную информацию – традиционные алгоритмы.

После этих выборов программа даст судье верный вывод по правилам, фигурам и модусам категорического силлогизма соответственно сделанным выборам. Правила, фигуры и модусы категорического силлогизма держать в голове кроме преподавателей логики почти никто не способен, поэтому в ка-

ждом случае выводы об истинности или ложности умозаключения из разных комбинаций значений, составляющих силлогизм, делает программа.

По определению видов алгоритмов, представленных в диссертации, введенная судьей информация – современные алгоритмы, по которым программа делает выводы без участия человека в конкретном деле. Однако, в программу выводы соответственно комбинациям значений, составляющих силлогизм, введены соответственно правилам логики, т.е. творениям человеческой науки, а не блужданием искусственного интеллекта по судебной практике или еще неведомо по чему.

Как только путем фетишизма «современных алгоритмов» мы устраним человеческие выводы из множества комбинаций исходных данных жизни, которые компьютер рассчитывает несравненно быстрее человека, мы получим не решение жизненных проблем правом, а правовые проблемы, например, кто должен отвечать за вред, причиненный решениями, вынесенными искусственным интеллектом. А затруднения в их решении будем называть «усилением существующих правовых проблем» (с.69) вместо осознания того, что такие проблемы – результат неумного использования информационных технологий, подобное разведению больших костров в лесу, купанию в штормящем открытом море и т.п. Не надо создавать проблемы, а затем пенять праву, что оно их усиливает. Если под «алгоритмизацией права» понимать состояние, подобное панике ребенка, разведшего игрой со спичками пожар в доме, то это не имеет никакой научно-практической ценности. Вместо этого надо думать, как исключить неосторожное обращение с огнем, а по обсуждаемой теме – неумное использование информационных технологий. Например, приводящее к показанному в диссертации формированию новых принципов социального расслоения и неравенства (с.68). Примеры зарубежного опыта законодательных решений против программ, не соответствующих закону, приведены на с.47–48 диссертации.

Стремительное распространение компьютерных технологий в различных сферах общественной жизни создает впечатление, что компьютеры захватывают мир людей. Далее один шаг к тому, чтобы считать людей и компьютеры однопорядковыми существами.

«Алгоритмизация права» в смысле подстраивания права под эклектику компьютерных программ, используемых и плодящихся в обществе едва ли не в геометрической прогрессии, означает признание замены конституционного суверена–творца права суверенитетами программистов, что диссертант признает на с.103 диссертации. В таком случае те социальные и юридико-технические дефекты права, которые названы на с.69–71 диссертации юридическими факторами алгоритмизации права будут замещены хаосом частных интересов пользователей и создателей компьютерных программ, совсем не озабоченных проблемами «юридических факторов алгоритмизации права». Тем более компьютеры без человека, а именно юристов не способны устранить дефекты права, названные на с.69–71 диссертации.

В диссертации обоснованы такие положения, которые имеют значение для первого решения вопросов использования информационных технологий

для юридической деятельности, а именно создания программ с учетом и для реализации правовых норм:

1. Алгоритмы являются новыми регуляторами общественных отношений в социотехнической среде, как ядро программных продуктов структурируют процесс и определяют задаваемый результат. Отмечены как положительные эффекты при применении алгоритмов, так и отрицательные, связанные, прежде всего, с такими свойствами алгоритмов, как закрытость (непрозрачность) и предвзятость (выводы § 1.1, напрасно не включенные в положение 1, выносимое на защиту). С этим следует связать предложение о создании компетентных структур, обеспечивающих нивелирование рисков цифровизации и алгоритмизации правовой действительности (с.126).

Эти положения подвигают к необходимости правовых экспертиз программ перед введением их в деятельность органов публичной власти для определения соответствия предписаний и выводов программ законодательству. Деяния, связанные с использованием программных продуктов частными лицами и организациями и противоречащие закону, подлежат юридической квалификации на общих основаниях.

2. Алгоритмы, используемые в программно-аппаратных комплексах, вступающие во взаимодействие с правом, являются социотехническими нормативно-казуальными регуляторами (положение 3, выносимое на защиту, обосновывающее особый вид социального регулирования, который необходимо учитывать в правовом регулировании).

3. Положение 4, выносимое на защиту, если его конкретное содержание о свойствах алгоритмов положить в основу обеспечения соответствия алгоритмов компьютерных программ законодательству.

4. Различие алгоритмов на адресованных человеку и компьютеру в программировании юридической деятельности.

Это положение в программировании юридической деятельности ориентирует целенаправленно выявлять операции, которые нужно и можно поручать компьютеру, с подбором соответствующих известных информационных технологий или постановкой задач создания новых и возможных.

5. Алгоритмы используются в качестве дополнения правовых норм, что придает скорость и программируемость правовому регулированию общественных процессов, то есть являются инструментами правового регулирования (с.87).

Этот посыл должен использоваться для повышения качества правотворчества и правоприменения при появлении нового инструмента человеческой деятельности – компьютера вместо «осмысления» деятельности под инструмент. Инструмент для дела, а не дело для инструмента.

Термину «алгоритмизация права» в смысле программирования человеческой деятельности без учета правовых норм, ведущего к непредсказуемым решениям компьютеров человеческих конфликтов вместо правопорядка, к положению человек для компьютера, а не компьютер для человека соответствуют такие положения диссертации:

- «усиление несоответствия между современным уровнем технологизированных общественных отношений и состоянием права как традиционного регулятора, сложившегося в доцифровую эпоху» (с.69), из чего следует, что право должно подстраиваться под разнообразные компьютерные программы, а не информационные технологии должны создаваться и применяться в соответствии с законодательством и для его реализации для повышения эффективности правотворчества и правоприменения;

- положение 2, выносимое на защиту (аргументация его в § 2.2), из которого следует необходимость преобразования права под компьютерные программы, а также аргументация этого положения с выводами о видоизменении права вплоть до замены его другим регулятором – алгоритмами компьютерных программ, неведомо кем создаваемыми (с.49–50);

- критика примеров реализации правовых норм с помощью технических средств на основе положения, что право и алгоритмы – это два самостоятельных явления социальной регуляции (с.84–85);

- «Алгоритмы в современном их понимании не могут прямо интегрироваться в право вследствие своих особенностей (структуры, существования в определенной социотехносреде), поэтому наблюдается противоположный процесс – нормы права интегрируются в алгоритм, принимая его свойства, что оказывает влияние на сущностные признаки права» (с.95). И далее: «Трансформация права на формальном уровне представляет собой преобразование правовых норм в алгоритмы, реализованные на языках программирования» (с.112). Из этого следует, что надо не процесс определения структурных элементов норм права превращать в алгоритмы, а какие-то структурные элементы алгоритмов неведомо каких компьютерных программ образуют неведомым образом нормы права и их элементы;

- обоснование самостоятельности алгоритмизации права в отличие от алгоритмизации юридической деятельности с совершенно непонятными основаниями отграничения одного от другого (с.102–104);

- вывод о том, что принципы права в результате его алгоритмизации могут изменяться содержательно, иметь формальное (алгоритмическое) выражение и менять свое положение в системе правовых принципов (с.113–104);

- «Сложившиеся традиционные модели правотворчества не адаптированы в полной мере для создания алгоритмического (машиночитаемого) права. Соответственно, они подлежат трансформации» (с.118).

Автор показала, что юридическая наука занималась и занимается алгоритмизацией юридической деятельности (с.38–44). Затем переходит к анализу литературы алгоритмизации не деятельности человека, а алгоритмизации права (с.44–71 и в последующих главах), что увлекает её в большей степени и становится главным предметом доказывания.

В итоге автор приходит к выводу, представленному в положении 2, выносимом на защиту, «определить алгоритмизацию права в широком смысле, а именно как преобразование права (процесс) путем конвергенции и интеграции права и алгоритмов (форма взаимодействия) с помощью алгоритмиче-

ского его представления (метод), результатом чего является алгоритмическое (машиночитаемое) право».

В основе этого находится утверждение: «Алгоритмизация права – это объективно существующее явление» (с.101), – столь же истинное суждение, как «Рога у троллейбуса, чтобы провода чистить». Только «провода чистить» однозначное понятие в отличие от понятия «алгоритмизация права», множество значений которого показано в § 2.2. Подобно аргументации диссертантом объективности алгоритмизации права (с.101) можно сказать, что рога троллейбуса постоянно взаимодействуют с проводами, и те блестят на фотографиях ночного города, хотя их никто кроме троллейбусов не натирает. Из этого последует необходимость специальной обработки рогов троллейбуса для натирки проводов, перенесения ими на провода чистящих средств и т.п.

Подобно этому диссертант вместо создания алгоритмов юридической деятельности в соответствии с принципами права предлагает человеческие ценности, выраженные в формах права, изменить под алгоритмы неведомо каких компьютерных программ, и даже предрекает создание этим неведомым новых принципов права. Вместо алгоритмов для создания нормативных правовых актов в соответствии с правилами юридической техники предрекается трансформация традиционных моделей правотворчества, не адаптированных для создания алгоритмического (машиночитаемого) права.

В связи таким определением в диссертации целей и средств, причин и следствий в создании и реализации права следующие замечания и вопросы.

1. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что принцип формальной определенности закона, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, является неотъемлемым элементом верховенства права; структурные элементы норм права должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть юридические последствия своих действий (бездействия) (например, постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П).

1.1 До алгоритмов, вводимых в компьютерные программы, нормам права не была присуща формальная определенность?

1.2 Ясность и однозначность логических норм права, фактических составов, порождающих их диспозиций, – человеческая или машинная потребность?

1.3 Есть разница между обеспечением в нормотворческой деятельности требований формальной определенности закона и алгоритмизацией права? Если есть, то по каким признакам? Если нет, зачем сложное удвоение терминологии?

2. Из положения 2, выносимого на защиту, следует самоцель создания алгоритмического (машиночитаемого) права.

2.1 Право создается для людей или для компьютеров? Если для людей, то компьютер – обязательный посредник между правом и человеком?

3. Поскольку компьютер не оперирует такими категориями как текст, символы, мы при создании нашей программы для судебной деятельности сформулировали, что компьютер не может из текста правовых актов

- извлекать характеристики понятий адресата предписаний;
- формулировать диспозицию норм права описанием содержащихся в них дозволенных, обязательных, запрещенных деяний;
- определять вид предписания: право, обязанность, запрет из описания деяния;
- формулировать юридические факты и формировать из них фактические составы, порождающие, изменяющие, прекращающие предписанное деяние, различая обязательные и альтернативные для заявленного требования факты;

- устанавливать тождество и различие элементов норм права и их виды в соответствии с правилами логики (соотношение понятий, содержащихся в текстах правовых актов) для решения вопроса о коллизии норм права.

На с.112–113 диссертации приведена подтверждающая это цитата: «общепризнано, что идеальное соответствие значений между машинным и естественным языками является недостижимой целью». На с. 134–137 диссертации показаны неудачи в создании языков юридического программирования в целях уяснения компьютером смысла правовых актов. Однако в диссертации утверждается, что машиночитаемое право – это такое право, смысл которого «уясняется» машиной (с.107–108), а трансформация права на формальном уровне представляет собой преобразование правовых норм в алгоритмы, реализованные на языках программирования (с.112).

3.1 Машиночитаемые правовые нормы, т.е. «правоположения, изложенные в виде машинных алгоритмов, реализованные на языках программирования (программного кода), понимаемые машиной с последующей машиноисполняемой реализацией» (с.108) – не логические нормы права? Если да, почему языки программирования, позволяющие определить элементы логической нормы права в правовом акте, не названы в диссертации?

3.2 Очевидно противоречие между признанием в диссертации факта отсутствия языков юридического программирования в целях уяснения компьютером смысла правовых актов и утверждением о наблюдении процесса – «нормы права интегрируются в алгоритм, принимая его свойства, что оказывает влияние на существенные признаки права» (с.95). Как нормы права интегрируются в алгоритм программ в отсутствие языков программирования?

4. В § 3.1 сделан вывод об отсутствии единого понимания, что же представляет собой машиночитаемое право (с.131). Действительно, в основном литература об искусственном интеллекте в правотворчестве и правоприменении, о машиночитаемом праве – искусственные обозначения этими терминами известных под другими терминами фактов правовой действительности, либо произведения в жанре научной фантастики. Причем научная часть после употребления слов «цифровизация», «машинизация», «автоматизация» возле юридических терминов отдается IT-специалистам в ожидании, что те, расположившись от употребления слов из их языка, как-то научат компьютер

создавать и применять нормы права. В этом ожидании фантастические мечты нередко выдаются за факты действительности и развиваются. В данном случае не определились с тем, что такое машиночитаемое право, не нашли и не создали его, но уже пишется о технологии его внедрения.

4.1 Что именно представляют собой «технологии внедрения машиночитаемого права в законотворческий процесс» (с.59)? Кем и как внедряются?

5. Фантастическая идея нередко отвлекает от настоящей работы. Мечты о принце на белом коне оставляют в старых девах. Этим же представляется и алгоритмизация права вместо алгоритмизации юридической деятельности. Нет никакой практической и научной потребности увидеть в тексте нормативного правового акта не на бумажном носителе, а в компьютере преобразование права, цифровизацию права до изменения представления о праве.

При создании и совершенствовании в нашей программе алгоритмов толкования права, определения и преодоления коллизий и пробелов в праве, преобразования оценочных юридических фактов в индивидуально определяемые по делу и т.д. мы не видели и не видим никакой необходимости осмысливать эти варианты программы как конвергенцию и интеграцию права и алгоритмов. Для технического задания программистам многозначные термины не нужны, даже для создания программ перевода права в алгоритмы.

Один из самых заметных примеров достижения относительного превосходства компьютера над человеком – шахматные программы. Но они лишь условно изменили шахматы. Изменился процесс подготовки к партии. Изменились правила игры так, чтобы человек не мог пользоваться компьютером во время игры. Но содержание игры (как фигуры ходят и мат ставят) не изменилось. Точно так же нельзя говорить о преобразовании права составлением правовых актов на компьютере, а не на пишущей машинке, получением правовой информации из компьютера, а не через картонные карточки в библиотечных ящиках. Это – преобразование юридической деятельности. Поэтому должны создаваться алгоритмы юридической деятельности в соответствии с законодательством и доктринальными правилами юридической техники, а также выявлением в ней операций, основанных на обработке большого объема информации с однозначными выводами, что компьютер сделает эффективнее человека. Но не выдумывать преобразование права, искусственные примеры чего ничего не дают для улучшения социального регулирования, т.е. предупреждения и преодоления человеческих конфликтов.

Если взаимодействия внутри машины считать нормами в ряду с правовыми, с которыми они могут конкурировать, сотрудничать или сосуществовать (с.83), тогда и взаимодействие шестеренок в автоматической коробке передач тоже надо считать социотехническими нормами. Но такими додумались называть только процессы в компьютере.

5.1 В чем основание дискриминации автоматической коробки передач, механических устройств? Почему инструкция по использованию газонокосилки не механизация права?

5.2 Что конкретно для повышения качества правового регулирования или для реализации правовых норм дает квалификация приведенных на с.90–

94, 139–141 диссертации положений нормативных правовых актов, предусматривающих подачу и обработку документов в электронном виде, как конвергенции и интеграции права и алгоритмов? Вы консультировались с IT-специалистами о необходимости им такого теоретического обоснования для программирования деятельности, регулируемой нормативными правовыми актами, приводимыми в примеры?

Эти замечания нацеливают на использование материалов диссертации для алгоритмизации юридической деятельности. Например, для создания программы для нормотворческой деятельности, осуществляемой в значительном большинстве людьми, не подготовленными к ней, не знакомыми с юридической техникой правотворчества и юридическими конструкциями. Это позволит определить истинные направления работы повышения качества нормотворческой деятельности за счет современного инструмента-компьютера вместо создания надуманных понятий.

Для оценки диссертации следует принимать во внимание

- высокую актуальность исследования;
- соответствие структуры и содержания диссертации поставленным целям и задачам исследования;
- высокое качество систематизации и представления обширной литературы по теме, что следует считать самостоятельным научным результатом, поскольку диссертация является хорошим научно-практическим источником информации для алгоритмизации юридической деятельности;
- вышеприведенные научные результаты, сведенные в 5 пунктов на с.7 отзыва с обоснованием их научно-практической значимости.

Кроме того, нетипичным для положительной оценки диссертации считаю результат исследования, с оценкой которого, возможно, сам диссертант не будет согласен.

Неоднозначные термины «современные алгоритмы», «машиночитаемое право», «алгоритмизация права» рождены и запущены в широкий оборот научной литературы и программных документов не диссертантом, которая постаралась наполнить их конкретным действительным содержанием. Однако, сделать это не удалось.

Установлено «отсутствие единого понимания, что же представляет собой машиночитаемое право» (§ 3.1, с.131). Не приведены примеры «алгоритмизированной (машиночитаемой) правовой нормы» (с.63) или «юридико-технической» нормы – правовой нормы, представленной в машиночитаемом виде, реализация которой в социотехнической среде обусловлена техническими нормами» (с.84).

Признана нереализуемость сценариев развития машиночитаемого права в § 3.2. В том числе перевод всего массива нормативных правовых актов в машиночитаемый формат, представляющийся автору наиболее вероятным сценарием, хотя и требующим больших технологических и финансовых ресурсов, не сопровождается разъяснением такого формата, позволяющего компьютеру уяснять смысл правовых актов, видеть в них логические нормы права.

Плоды машиночитаемого права, концепции персонализированного права, другие реальные факты, обозначаемые названными терминами, не выявлены. Но не потому, что плохо искала, а потому что их нет, а есть только фантазии о таких фактах в обширной литературе, добросовестно исследованной и представленной в диссертации. Чистый вариант: отсутствие результата – тоже результат. Это следует считать самостоятельным научным результатом для положительной оценки диссертации, заставляющим вернуться на плодотворную тропу алгоритмизации юридической деятельности с переосмыслением для этого богатого материала диссертации.

На основании изложенного считаю, что диссертация Порываевой Натальи Федоровны «Алгоритмизация права» соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор – Порываева Наталья Федоровна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Отзыв подготовлен с консультированием оппонента по вопросам информационных технологий его соавтором программы информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства по правилам ГПК РФ «Лазер-ИП-ГПК-2020» магистром фундаментальной информатики и информационных технологий, главным разработчиком ООО «РИО Софт» Гилевым Игорем Аркадьевичем.

Официальный оппонент:

Профессор кафедры теории и истории государства и права
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»,
доктор юридических наук, доцент
Поляков Сергей Борисович _____

«29» августа 2022 г.

Сведения об организации, являющейся местом работы официального оппонента:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Адрес: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Телефон: +7 (342) 239-64-35

Веб-сайт: <http://www.psu.ru>

e-mail: info@psu.ru

Подпись С.Б. Полякова заверяю
Ученый секретарь совета

Е.Д. Абрамочкин